

Структура литературно-критической деятельности

Ю.А. Говорухина

ТОМСК

Вопрос о сущности литературно-критического суждения, методе деятельности критика представлены в литературоведении различными, в отдельных аспектах противоположными концепциями. Критика мыслилась как часть науки (Л. Тимофеев, А. Бушмин, А. Иезуитов и др.), как явление схожее с литературой (Б. Бурсов, М. Поляков, В. Лакшин, В. Кожин), публицистикой (В. Баранов, А. Бочаров, Ю. Суровцев), а метод критики отождествлялся с научным, художественным. Теория критики 1970–1990-х годов движется от «позитивистского» этапа в осмыслении своего объекта¹ к попыткам преодоления данной гносеологической установки². Однако инерция научно ориентирован-

¹ Концепции второй половины 1970-х годов характеризуются преимущественным осмыслением критической деятельности и ее методологических оснований как варианта научного познания. Как следствие – требование объективности и точности от критика. В этот же период высказывается мнение о специфичности критической деятельности: наличии в ней доли субъективности и оценочного элемента. Роль своего рода переходного этапа сыграли работы В. Коновалова [Коновалов 1980], Ю. Борева и М. Стафеецкой [Борев, Стафеецкая 1980], исходными положениями которых является видение критики как синтетического образования, в котором наличествует и научное, и художественное, и публицистическое начала, а также тезис об отличии науки и критики. Однако, несмотря на попытки переосмысления концепции критики как научно ориентированной познавательной деятельности, проблема критического метода продолжает решаться названными исследователями традиционно.

² Начиная с 1980-х годов наблюдается качественно иной подход к рассмотрению сущности критического суждения. Синтез критики мыслится как аксиома и необходимое условие в подходе к изучению метода. Доказывается идея нетождественности литературно-критического и собственно научного метода, идея принципиальной диалектичности объективного и субъективного в критической деятельности. В литературоведении возникает концепция

ной парадигмы понимания литературной критики, наличие гносеологических инвариантов, проявившихся еще в метакритическом дискурсе XIX века, не позволяют теории построить и обосновать обновленную модель литературно-критической деятельности и ее метода. Отставание этой ветви литературоведения привело к существованию «ножниц» между сложившейся и еще инерционно существующей традиционной парадигмой осмысления литературной критики и саморефлексией современной критики, литературно-критической практикой.

Главным недостатком позитивистски ориентированной теории является ограничение области изучения критической деятельности рамками акта интерпретации и оценки художественного произведения, которые не предполагают рассмотрение реципиента как возможного структурообразующего начала, а сам акт интерпретации – как выходящего за границы только истолкования текста. Эти моменты убеждают в необходимости смены ракурса исследования литературной критики.

В основе используемого нами подхода лежит герменевтико-онтологическая философская традиция, согласно которой познавательная способность сознания определяет бытие человека в мире, сам способ бытия. Категория интерпретации, таким образом, наполняется онтологическим смыслом: бытие человека – бесконечный процесс интерпретации и самоинтерпретации одновременно (идея понимающего бытия, *Dasein*)¹. Литература является частью интерпретируемой действительности, а следовательно, источником, средством (само)понимания. По мысли Жана Набера, «Я» может схватить себя лишь в объективирующих его выражениях жизни.

Литературная критика – сложный процесс (само)интерпретации, в котором совмещаются два акта понимания² – первичное (мгновенное прозрение истины бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, словесное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание)³.

критики как способе особого коммуникативно-прагматического (практического) мышления [Брюховецкий 1986]. Теория критики в 1980–1990-е годы, по сути, приходит к мысли, высказанной еще М. Бахтиным, о том, что интерпретация смыслов не может быть научной, но она глубоко познавательна.

¹ О моменте самоинтерпретации пишет Р. Барт: «В рассуждениях всякой критики непременно подразумевается и суждение о себе самой... критика произведения всегда является и самокритикой... по своей сути она есть деятельность, то есть последовательность мыслительных актов, глубоко укорененных в историческом и субъективном... существовании человека» [Барт 1989, 272]. П. Рикер, связывая семантический и рефлексивный подход, пишет: «Понимание многозначных, или символических, выражений является моментом самопонимания» [Рикер 1995, 14].

² Эти акты безотносительно к деятельности критика выделяет и описывает М. Хайдеггер в «Бытии и времени».

³ Показательным в этом смысле является признание А. Марченко: «И «День поэзии-86», и «День...» следующий я прочитала дважды. Сначала для себя: то с конца, то с середины, перепрыгивая через то, что не приглянулось

В результате мы имеем онтологически герменевтическое объяснение феномена критики и ее функции. Порождает критику всеобщая потребность в понимании, или, опираясь на М. Хайдеггера, само-бытие, понимание как сам способ существования. Акцентирование момента «вопрошания» в критической деятельности предполагает рассмотрение критики как ценной и уникальной деятельности, обладающей сложной структурой.

Эта структура может быть описана при совмещении двух подходов – герменевтико-онтологического и коммуникативного. Как мы уже говорили выше со ссылкой на работу М. Хайдеггера, деятельность критика двухактна, включает первичное понимание и рефлексивное, «методологическое», ориентированное на формализацию¹. Рефлексивный акт структурирован, прагма-ориентирован, поскольку критик, руководствуясь конкретными практически целями, озабочен доведением до сведения адресата определенной информации². Изначальная ориентированность текста на Другого, его коммуникативный характер определяют содержание и структуру как текста, так и деятельности. Фигура читателя, таким образом, является важным структурообразующим фактором, «локус-ориентиром» (В. Шнейдер), вокруг которого формируется вся коммуникативная модель.

Рассмотрим структуру рефлексивного акта критической деятельности, особенности которой обусловлены ее intersubъективной природой, и опишем ее основные компоненты.

Отправной точкой для нас является классическая триада – модель функционирования литературного произведения как вариант общей схемы коммуникативного акта (адресант-текст-адресат) – Автор – Художественное произведение – Читатель, каждый компонент которой структурируется. Так, рассматривая компонент «Читатель» как некое множество реципиентов, выделяют как минимум две основные группы: профессиональные и непрофессиональные читатели. К числу «профессиональных» относят критика, чья рефлексия по поводу интерпретируемого оформляется в критическом тексте, также особым образом структурированном и адресованном своему множеству реципиентов. Образование новых компонентов (еще одного текста, еще одного множества реципиентов) уже свидетельствует о том, что, включая в указанную выше триаду Критика, мы получим сложную развернутую модель критической деятельности, основанную на intersubъективном взаимодействии. Выделим основные ее сегменты, направления воздействия и взаимодействия.

(не тронуло) по первой же строфе, а то и строчке. Потом, через некоторое время, профессионально-педантично: подряд и медленно» [Марченко 1988, 215].

¹ Об этом пишет Р. Барт, замечая, что критик «встречает на своем пути подозрительного посредника – письмо» «в результате самого «прикосновения» к тексту – прикосновения не глазами, но письмом – между критикой и чтением разверзается целая пропасть» [Барт 1989, 371, 373]

² Здесь в качестве теоретической основы используем исследования, осуществленные в рамках прагмалингвистики, теории коммуникативных актов, а также работы В. Виноградова, Г. Шпета, М. Бахтина, П. Рикера, Ю. Лотмана, А. Пятигорского, в которых рассматривается intersubъективная природа коммуникации/диалога.

Первый сегмент структуры (ее активное изучение начинается с включением в область познания категории читателя) может быть описан так: определенная авторская интенция, ориентированная и на читателя в том числе, реализуется в художественном произведении. Включая в себя собственно текст и художественную реальность как необходимые компоненты, художественное произведение функционирует во множестве интерпретаций и восприятий, обусловленном множественностью потенциальных реципиентов. На первом этапе критик выступает как некий субъект, как *Dasein*, для которого художественное произведение/литературное явление – часть «сущего» – то материальное, что до интерпретации не отмечено бытийственностью, но открыто для интерпретаций/осознания. В процессе интерпретации оно онтологизируется, открывается. Критик, как и любой читатель «работает» с результатом подобной же интерпретаторской деятельности, совершенной Другим (автором), но направленной на нетекстовое бытие. Таким образом, критик интерпретирует одновременно не только уже интерпретированное и воплощенное бытие, но и само бытие, обращаясь к нему через текст, сопоставляя писательскую интерпретацию с действительностью. Р. Барт в этой связи говорит о необходимости для критика учитывать «два рода отношений – отношение языка критика к языку изучаемого автора и отношение этого языка-объекта к миру» [Барт 1989, 272]; «Книга – это своего рода мир. Перед лицом книги критик находится в той же речевой ситуации, что и писатель – перед лицом мира» [Барт 1989, 365].

Итак, в своей деятельности критик, по сути, одновременно осуществляет два акта: интерпретирует мир художественного текста и то бытие, которое послужило его источником. Это утверждение косвенно подтверждается концепцией Л. Витгенштейна, согласно которой познание сущности описания есть познание сущности описанного (мира).

Восприятие критиком художественного произведения будет существенно отличаться от восприятия группы непрофессиональных реципиентов и в то же время иметь нечто сходное, обусловленное единой природой эстетического переживания/восприятия. Причина – разница не только в профессиональном уровне подготовленности, опытности критика и зачастую наивно-эмоциональном уровне восприятия массового читателя, но и в различии целеполагания, интенции, направленной в критической деятельности не только на художественное произведение (интерпретационная деятельность), но и на себя (момент самоинтерпретации), и на некое множество реципиентов.

Интерпретация литературного явления обусловлена моментом «вопроса», тем «вопросом», который во многом определяется коммуникативной, социокультурной ситуацией, в которой функционирует критика¹. Здесь мы

¹ В тексте статьи этот вопрос может не быть эксплицирован. Пример экспликации обнаруживаем в статье А. Немзера «В каком году – рассчитывай... Заметки к вечному сюжету «Литература и современность»»: «Как мы подошли к дню сегодняшнему? Куда мы хотим из него вырваться? Как вписываем его в большой исторический и/или экзистенциальный контекст? Что этот день позволяет увидеть в нас? Все эти вопросы явно превалируют над другим, без которого человек не может обойтись никогда, а тем паче во времена исторической ломки: как мы живем?» [Немзер 1998]

опираемся на мысль Г. Гадамера о том, что «в понимании всегда имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор» [Гадамер 1988, 365]. «Вопрос», набрасываемый критиком на литературную действительность, в соответствии с идеями М. Хайдеггера, П. Рикера, характеризует задающего, определяет выбор художественных произведений и вычлняемый актуальный аспект их содержания.

В процессе интерпретационной деятельности критик, имея установку на реципиента, создает первичный текст интерпретации (ментальную и/или ментальнотекстовую модель), уже ориентируя его на читателя. Здесь мы приходим к необходимости выделить следующий сегмент и следующее направление взаимодействия в структуре критической деятельности: Критик – Критический текст – Читатель. Этот сегмент в некотором смысле повторяет первый (Автор – Художественный текст – Читатель): наличие определенной интенции, направленной на реципиента, текст, в котором эта интенция реализуется, читатель как множество. Такой формальной корреляции, между тем, сопутствуют специфические особенности, присущие критической деятельности. Так, к примеру, множество Читатель включает и писателя. Непосредственные обращения к нему в текстах современной литературной критики редки, однако, включенный во множество реципиентов, он оказывается тем Наблюдателем, который подразумевается и влияет на протекание диалога («эффект двойного диалога»¹).

Читатель, как правило, знаком с интерпретируемым художественным произведением, и это первичное личное восприятие входит в область предзнания реципиента. В таком случае коммуникативно-прагматическая интенция критика будет направлена на ценностные, общественные и другие ориентиры/стереотипы реципиента, возможно, с целью изменить их или внушить свои (свои критерии оценки как верные, свое представление об общественной проблеме, нашедшей отражение в произведении, как истинное), и на то возможное представление/суждение о произведении, которое уже имеется в сознании реципиента. По сути, мы уже имеем следующий сегмент: Художественное произведение в восприятии критика – Художественное произведение в восприятии читателя. Очевидно, что восприятие критика эксплицитно представлено в тексте критической статьи и аргументируется (с разной степенью использования специального инструментария). Все другие «восприятия» присутствуют имплицитно как возможные «чужие прочтения». Но они могут быть и эксплицированы. Критический материал дает многочисленные примеры экспликации так называемого «чужого мнения»: точки зрения критиков, с которыми спорит/согласен автор статьи; мнения/ощущения массового читателя, (не)истинные, глубокие/поверхностные. Читательское прочтение художественного произведения и прочтение критика «встречаются» в критической статье, а более явно в сознании реципиента, когда конкретное восприятие худо-

¹ О функции наблюдателя в художественной и речевой коммуникации: Попова Т. Диалог с двойным адресатом // Риторика в современном обществе и образовании. – М., 2003; Маслова Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. – М., 2007; Формановская Н. Речевое общение. – М., 2002.

художественного произведения будет соотноситься с мнением критика. Можно сказать, что в сознании читателя сходятся (конфликтуют/соотносятся) две интенции: писателя и критика. Определим это явление как конфликт преобразующих установок.

В результате критической деятельности появляется еще одно читательское прочтение. В этом смысле «жизнь» (функционирование) художественного произведения в рамках критической деятельности представляет собой сложный процесс трансформации/приращения/утраты смысла в ситуации интересубъективного взаимодействия.

Возможно варьирование рассмотренного сегмента в том случае, когда непосредственная/личная интерпретация критика отличается от представленной им в тексте (явление «заказной» критики). В этом случае место в рассматриваемой структуре займет «вторичный» текст и механизм функционирования структуры не нарушится. Появится лишь новое обстоятельство коммуникации, которое определит интенцию критика.

Отметим и тот факт, что объектом интерпретации критика может быть не художественное произведение, а то или иное явление, тенденция литературного процесса/литературной ситуации. В этом случае редуцируется компонент Автор, а само явление может рассматриваться как текст, выполняя ту же функцию в структуре критической деятельности, что и художественное произведение.

Критик как субъект деятельности имеет свою структуру, обусловленную ситуацией интересубъективного взаимодействия. Понятие интересубъективности принципиально значимо для нас, поскольку выделяемые уровни структуры будут непосредственно соотноситься с направлениями интеракции. Вслед за М. Бахтиным, Г. Хайдеггером, Ю. Хабермасом, мы понимаем интересубъективность не только как признак коммуникативной деятельности, но и как необходимое начало познания¹.

Коммуникативно-прагматический контекст (пред-структура субъекта, условие понимания) во многом определяет и содержание целей, и процесс (само)интерпретации, само критическое суждение и оценку. Изучение этого компонента сопряжено с рядом трудностей, поскольку мы не располагаем достоверными сведениями о психическом состоянии, действительных мотивах критика в момент, предшествующий и совпадающий с интерпретацией и ее фиксацией. Сложность, в ряде случаев невозможность верификации выводов, к

¹ Опираемся на утверждение М. Бахтина о внутренней структуре единого в двух лицах субъекта познания, расщепленного на того, кто осуществляет рефлекссию над познанием (автора) и осуществляющего само познание («Автор и герой в эстетической деятельности»); на обоснование В. Библером принципа диалогичности как диалогического столкновения двух радикально различных культур мышления, сопряженных в логике спора (диалоге) логик («Мышление как творчество»); на определение коммуникативных интеракций, данное Ю. Хабермасом: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость (правильность)» [Хабермас 2000, 91].

которым приходят исследователи, изучающие феномен «предпосылки», порождают критику в адрес прагмалингвистики, рецептивной эстетики. Однако интерес к этой проблеме – естественный результат развития эпистемологии. По мнению Е. Ищенко [Ищенко 2006], выйдя к новой неклассической парадигме познания (а именно к коммуникативной парадигме рассмотрения процесса познания), эпистемология (Ч. Пирс, Р. Барт, К. Аппель, Ю. Хабермас и др.) признает невозможность беспредпосылочности человеческого познания (изучает проблему предпосылок и оснований познания, приходит к мысли о том, что гуманитарное познание предпосылочно по природе своей, и «слой» этих предпосылочных имеет сложную структуру). Факт наличия неосознаваемого, дорефлексивного («экзистенциального») уровня как горизонта предпонимания признают сегодня в качестве аксиомы представители коммуникативного направления в лингвистике, прагмалингвистике, в рецептивной эстетике, функциональном литературоведении, герменевтике¹.

Итак, еще до момента осознанного пребывания в статусе субъекта критической деятельности, критик может быть рассмотрен в ситуации «коммуникативного контекста» (понятие «коммуникативный контекст» или «прагматический контекст» – теоретическая и когнитивная абстракция). Описание коммуникативного контекста необходимо вести в двух плоскостях: первая охватывает совокупность предпосылок, пред-рассудков, присущих субъекту коммуникативной деятельности (критику); вторая касается особенностей «рецептивной ситуации» определенного историко-культурного периода. В этом контексте выделяются осознаваемые и неосознаваемые предпосылки будущей собственно интерпретационной и текстопорождающей деятельности. К бессознательным предпосылкам относим языковую компетентность субъекта, национальную принадлежность, биолого-физиологические данные, психологический тип, национально-ментальные стереотипы, фреймы и сценарии, «ситуационные модели» (Т. ван Дейк), находящиеся в эпизодической памяти и репрезентирующие предшествующий опыт коммуникации вообще, критической деятельности, знание о «рецептивной ситуации». Осознанные или осознаваемые и чаще всего вербализуемые далее в тексте критических статей предпосылки: социально-культурный, профессиональный статус, текущее эмоциональное состояние, вкусы, политические воззрения, представление о статусе критики/литературы на сегодняшний день, метод интерпретации и текстообразования, мнения/оценки о конкретных писателях/произведениях, иерархии.

Приведенное выше деление достаточно условно, поскольку ряд факторов, обозначенных как неосознаваемые, могут быть отрефлексированы и фор-

¹ Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн основанием достоверности познания считают жизненный мир («круг уверенностей»), привычные ориентации, предваряющие знание «снизу». Г. Шпет в качестве предпосылок понимания называет язык и стиль мышления, которые очерчивают «горизонт» понимающей деятельности. В рамках экзистенциально-онтологической концепции ситуация пред-понимания как один из главных этапов познания вообще рассматривается М. Хайдеггером, а в рамках концепции теории коммуникативного действия изучается Ю. Хабермасом.

мализованы в тексте. Так, в статье К. Степаняна «Назову себя Цвайшпаццирен?» находим описание разрушения жанровых ожиданий: «Это может быть ирония счастливых концовок, как в «Сказках для всей семьи» Л. Петрушевской, когда по привычке – «память жанра», современная проза, да, наконец, Петрушевская же! – ждешь в конце каждой сказки плохого конца, тем более что все вроде к тому идет, – а они вдруг оканчиваются счастливо!» [Степанян 1993, 190]. А. Марченко в статье «Синдром: единогогрезие» описывает ситуационную модель критического оценивания текстов, принадлежащих «пробивающимся в «члены союза» и невозможности объяснения авторам того факта, «что предьявленное сочинение стихами не является» [Марченко 1988, 216]. Н. Ажгихина в работе «Разрушители в поисках веры» вспоминает опыт «жизня», своего и сверстников: «Читая о суетном бытии и безбытности нарбиковских героев, я узнаю черты неприкаянного житья моих сверстников – студентов начала 80-х, узнаю те же самые комнатухи, которые снимали. Я слышу обрывки тех же разговоров... И узнаю тоже отчаянье, духоту и пустоту, из которых, казалось, нет выхода» [Ажгихина 1990, 224]. Актуализация этого опыта помогает критику понять героев В. Нарбиковой, осмыслить, почему «императивы Нового завета не спасают их». Кроме того, момент узнаваемости оказывается оценочным (служит доказательством точности письма В. Нарбиковой), им может быть придан момент значимости (так, литературный быт становится главным предметом размышлений Н. Ивановой в статье «Сладкая парочка» [Иванова 1994]). В публикациях «Молодой гвардии», «Нашего современника», «Москвы» часты указания на национальную принадлежность автора-критика; «русскость», православность педалируются.

Данный коммуникативный контекст динамичен, может меняться в ходе критической деятельности. Так, уже в момент появления мотива, целей деятельности некоторые из перечисленных предпосылок будут актуализированы, а сам ряд иерархически выстроен, пополнен (в частности, моделью коммуникативного контекста реципиента).

Теория критики, касаясь вопроса мотива критической деятельности, чаще всего представляет нам так называемые «идеальные, долженствующие мотивы». Нередко подобные мотивировки встречаются и в текстах самих критических работ. Однако не исключен фактор ангажированности литературной критики, о распространении которого пишут сами авторы¹. Момент ангажированности, а следовательно, присутствия «скрытого мотива» существенно важен для нас в осмыслении структуры критической деятельности в ее коммуникативно-прагматическом аспекте. Будем различать два вида интенций в рассматриваемой модели. Первая – вербализованная, вторая – скрытая, присутствующая имплицитно, прагматическая. Обе вычлениются из текста критической работы, но разными методами, обе определяются мотивами и целеполаганием.

Этап целеполагания структурно и содержательно важен для всего механизма критической деятельности и деятельности вообще, по мнению

¹ См., к примеру, материалы дискуссии «Самоубийство жанра», опубликованные в «Литературной газете» (2002–2003), в частности, мнения П. Басинского, М. Шорохова, А. Столярова, Н. Переяслова, С. Казначеева.

В. Карташева, «является императивом для всех других компонентов» [Карташев 1995, 69].

Опишем структуру цели критической деятельности, учитывая те компоненты и связи между ними, которые были обозначены выше при описании общей модели (располагаем их не иерархически-соподчиненно, поскольку в зависимости от мотива та или иная целеустановка может стать доминирующей).

Первая цель, или сверхцель, связана с моментом «вопрошания» – осмысление чужого опыта понимания себя и бытия, наложение его на свой экзистенциальный опыт. Эта цель не вычленивается в тексте критической статьи непосредственно, но реконструируется исходя из выбора художественных произведений из потока литературы, формулируемых проблем, актуального, на взгляд критика, аспекта анализа текста.

Вторая цель соотносится с первым сегментом критической деятельности – интерпретация художественного произведения/литературного или общественно-исторического явления с использованием того или иного способа/метода познания в аспекте, заданном мотивом. Эта цель чаще всего вербализована в тексте.

Третья, выделяемая теоретически как отдельная, но в момент реализации совпадающая с предыдущей, – оценка художественного произведения/литературного явления в соответствии с представлениями об эстетическом идеале, эстетическим вкусом, либо, как вариант, в соответствии с заданной («заказанной») оценкой.

Четвертая цель – порождение критического текста, реализация авторской интенции.

Пятая полностью обусловлена прагматической компонентой – преобразование, корректировка или формирование ментальных, поведенческих установок реципиента (в том числе писателя). В этом случае литературно-критическое высказывание входит в класс дискурсивной практики «ментатив»¹, который предполагает совершение в сознании реципиента некоторого ментального события.

Шестая цель – самопрезентация/самореализация критика, претендующего, с одной стороны, на индивидуальность и оригинальность интерпретации и оценки, с другой, – на общезначимость собственного критического суждения.

Ряд целеполаганий могут быть редуцированы или осознаваться как первостепенные или второстепенные в зависимости от мотива.

Установка на адресата объединяет две различные коммуникативные процедуры: интерпретации (создания ментальной модели суждения) и продуцирования текста, соединенные общей установкой автора, непосредственно связанной с целеполаганием и ориентирующей ролью адресата, которая, на наш взгляд, является структурообразующей для критической деятельности в целом.

¹ Понятие «ментатива» разрабатывается в исследованиях: Максимова Н. Чужая речь в нарративе и ментативе // Слово. Словарь. Словесность. – СПб., 2004; Максимова Н. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – М., 2005; Тюпа В. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. №10.

Речь идет об установке критика на адресата и на сам коммуникативный акт¹. Как доминирующая эта установка проявится в акте текстообразования, однако уже на первом этапе критической деятельности она будет присутствовать имплицитно, или, по выражению Д. Узнадзе, «внесознательно, предваряя появление определенных фактов сознания» [Узнадзе 2001, 59]. Здесь, вероятно, происходит процесс иррадиации (иррадирование – свойство установки, выражающееся в динамизме, переходе из одной области в другую). На втором этапе критической деятельности мы имеем дело с той же установкой, но усложненной прагматически. Критику необходимо сформировать/откорректировать установку восприятия продуцируемого текста. Установка, таким образом, выполняет роль «коммуникативного вектора» [Каменская 1990].

Наличие установки на адресата и на выстраивание коммуникативного акта как свойство структуры исторически и культурно закреплено и действует как по принципу автоматизма, так и сознательно.

Установка на адресата, на прагматический коммуникативный акт, на наш взгляд, является именно структурообразующим основанием, детерминантом, а не отдельным компонентом структуры, поскольку содержательно проявляется на всех уровнях критической деятельности. Кроме того, ориентация на тот или иной тип аудитории определяет целеполагание, а также жанр, стиль, метод интерпретации.

Наличие цели, в которой имеется установка на адресата, структурирующая эту цель, вероятно, и делает возможным переход от коммуникативной ситуации к «коммуникативному событию» как интересубъективной реальности.

Представление о критической деятельности как о сложном структурном образовании позволяет сформулировать следующую проблему: возможно ли построение такой теории метода литературной критики, которая бы схватывала все компоненты структуры и все направления деятельности критика.

Как только мы включим в представление о методе фигуру читателя, категория метода как метода познания оказывается содержательно недостаточной для той обширной области ненаукообразных критических текстов, для которых характерна не аналитическая, а прагматическая авторская установка. Ведущей деятельностью в данном случае будет не познавательная или не столько познавательная, сколько коммуникативно-ориентированная. Стратегия убеждения, воздействия будет определять и угол зрения на текст, и содержание интерпретации, и последовательность и выборочность включения в критический

¹ Понятие установки экстраполируется нами из психологической области знания. По словам А. Асмолова, «в деятельности, как и в любом движении, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности. Стабилизаторы деятельности находят свое выражение в своеобразной инерции деятельности. Роль такого стабилизатора выполняет установка» [Асмолов 1979, 6]. По мнению Д. Узнадзе, установка – это момент динамической определенности психической жизни, целостная направленность сознания в определенную сторону на определенную активность [Узнадзе 2001]. В акте критической деятельности это направленность на коммуникативный акт, будущий или настоящий, с его прагматической составляющей.

текст элементов собственно анализа произведения/явления литературного процесса.

Используя самое общее понимание метода, которое существует в гносеологии, сформулируем определение метода литературной критики – общая стратегия, организующая процесс истолкования и оценки литературного явления и его преломления в акте текстопорождения, выстраиваемая критиком в зависимости от коммуникативной и интерпретационной в онтологическом плане установки.

Такое понимание метода требует иных классификационных критериев для выстраивания типологии, отличных от предлагаемых традиционной теорией критики. Одним из возможных критериев, позволяющих типологизировать критические статьи и задействовать при этом максимальное количество компонентов описанной выше структуры критической деятельности, является категория «ракурса». Ракурс в контексте нашего исследования приобретает значение стратегии, направляющей интерпретацию и оценку литературного явления. Так, автороцентричная стратегия ориентирует критика на такое декодирование художественного произведения, которое приблизило бы его к писательской интенции, к самому автору как личности (формальный показатель такой стратегии – последовательно осуществляемая апелляция к автору). Она актуальна для таких критиков, как Н. Иванова, А. Немзер, О. Славникова, Д. Бавильский и других. В рамках Я-центричной стратегии определяющим становится ракурс собственного видения интерпретируемого (работы И. Дедкова, К. Степаняна, Е. Иваницкой, С. Чупринина, В. Кардина и др.). Текстцентричная точка зрения предполагает фокусировку на тексте, фактах (в работах М. Эпштейна, А. Якимовича, Е. Тихомировой, О. Дарка, П. Вайля, В. Новикова, М. Липовецкого и др.). Весьма малочисленной группой критических работ представлен ракурс, смещенный в область реципиента (критик говорит/судит здесь от лица читающей публики). Такая стратегия ярче всего представлена в статьях А. Агеева («Варварская лира»), Р. Арбитмана («Долгое прощание с сержантом милиции»), О. Дарка («Принесенные в жертву»).

По сути, в данных типах ракурсов проявляются четыре разных основания истины (разные авторитетных инстанции). В первом – автор и его интенция, во втором – я, мой личный опыт, в третьем – факт, в четвертом – авторитет большинства.

Названные ракурсы представлены нами в «чистом виде», в самой же критической практике наблюдается совмещение двух, в редких случаях трех ракурсов.

Предложенное понимание структуры литературно-критической деятельности, которое опирается на коммуникативное и герменевтико-онтологическое основание, позволяет развернуть исследование современной критики в аспекте, образуемом следующими вопросами: как смена статуса, опасность потери читателя отражается на процессе самоидентификации критики; какие стратегии самоутверждения используются ей, насколько они успешны; какие фрагменты литературной практики вычленились критикой, как этот выбор объясняется онтологически; какой «вопрос» задает критика как «вопрошающий», обращаясь к литературному бытию и бытию, отраженному в литературе; как характеризует этот «вопрос» саму критику; какой «ответ» вычитывает критика

в литературной практике и какой «ответ» предлагает сама, можно ли говорить о конфликте интерпретаций. Анализ «ответов» и «вопросов» позволит выделить некие инвариантные гносеологические установки, которые являются условием появления того множества критических суждений, которое и составляет критику конца XX века.

Литература

- Ажгихина Н. Разрушители в поисках веры // Знамя. 1990. № 9.
- Асмолов А. Деятельность и установка. М., 1979.
- Барт Р. Что такое критика? // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Борев Ю., Стафеецкая М. Социология, теория и методология литературной критики // Актуальные проблемы методологии литературной критики. Принципы и критерии / под ред. Г.Белой. М., 1980.
- Брюховецкий В. Природа, функции и метод литературной критики: диссертация. Киев, 1986.
- Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Иванова Н. Сладкая парочка // Знамя. 1994. № 5.
- Ищенко Е. Проблема субъекта гуманитарного познания: эпистемологический анализ // Философские науки: исторические эпохи и теоретические методы / Под ред. В. Кузнецова. Воронеж, 2006.
- Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
- Карташев В. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995.
- Коновалов В. Метод литературной критики // Проблемы теории литературной критики / Под ред. П. Николаева, Л.Чернец. М., 1980.
- Марченко А. Синдром: единогрезие // Знамя. 1988. № 6.
- Немзер А. В каком году – рассчитывай... Заметки к вечному сюжету «Литература и современность» // Знамя. 1998. № 5.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
- Степанян К. Назову себя Цвайшпацирен? // Знамя. 1993. № 11.
- Узнадзе Д. Психология установки. СПб., 2001.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.